

АЛЕКСАНДР ЦЫГАНОВ

ВОЛОГОДСКИЕ РАССКАЗЫ

Александр Александрович Цыганов родился в 1955 году в деревне Блиново, недалеко от Ферапонтова, где, по словам Н. М. Рубцова, «что-то Божье в земной красоте». После окончания Ферапонтовской средней школы работал слесарем в совхозе, рабочим, учился в автомотоклубе. Во время службы в ракетных войсках получил тяжкую травму, был комиссован. Окончил Вологодский педагогический институт по специальности учитель русского языка и литературы. Десять лет добровольно работал в колонии усиленного режима с лицами, совершившими тяжкие преступления, в должности начальника отряда.

Член Союза писателей России. Автор нескольких книг прозы, вышедших в разных издательствах страны. Лауреат литературной премии МВД СССР.

Живет и работает в Вологде.

Таланиха

*Владимиру Жогину,
русскому офицеру*

Первой почувяла неладное Катерина Глебовская. Она пила чай вприхлебку из блюдечка и заметила из кухни, как ее же загородой, которую она с утра окашивала, пробрался какой-то недеревенский толстый мужик и пропал с глаз долой. Катерина с оханьем поднялась, чтобы из передней поглядеть, куда это молодец посвистал, а он уж тут как тут — в дверь, не торкнувшись, вошел. Стоит, только что притолоку головой не подпирает: набычился, борода лопатой, у самого носа два круглых бойких глаза, в майке и трусах до колен цветных, ноги будто тумбы, все волосатые и вдобавок в тапках кожаных без носок.

— Чего тебе, милоч? — немного оробев, спросила Катерина. Согнутая, в линиялом ситцевом платье, она была этому гостю еле не по пояс. — Воды надо или избой обознался?

— Да мы, бабка, реставраторы, — неожиданно тонким голосом ответил парень, а сам по стенкам нет-нет и зыркнет, даже в большую комнату хотел без спроса двинуться, но на дороге была Катерина и не думала отступать. — Реставраторы мы, — снова повторил он. — Иконы ходим реставрируем, лучше делаем, — выпевал гость. — А то и купить можем. Денег-то надо, бабушка?

— А кому они не нужны, — смиренно ответила Катерина. — Да только продавать-то у нас нечего. А если воды не надо, так иди, батюшко, куда шел, мне сено грести пора. Иди с Богом.

— Ну, смотри.

Парень шумно вздохнул и отправился восвояси; в коридоре, слышно было, приложился головой о дверной верхник и крепко выругался, после скоренько слетел вниз.

А Катерина не на шутку встревожилась. В прошлом году, зимой, тоже шатали в этих краях какие-то гости. Пошныряли они по деревне, а потом в избе у Миши Демушки пропали иконы, а еще не стало медного самовара вместе с домоткаными полови-

ками. Самих-то хозяев давно уже не было на белом свете, только летом из города детки сюда наезжали.

А теперь, куда с добром, с утра пораньше ходят — говорят, сделают так, что иконы станут лучше, чем были. Катерина, ойкая, не пошла огребать сено, как задумала, а напрямик, на всякий случай затворив дверь палкой, наладилась к Анюте Мишкиной. Солнышко жарило во всю ивановскую, толстая, бархатная пыль желтым покрывалом лежала на земле, и даже у куриц не хватало сил в нее зарыться и отдохнуть. Катерина, проворно надвинув на глаза платок, выбежала из заулка и по дороге увидела свою товарку, которая с коромыслом и ведрами направлялась к колодцу. Она пересказала Анюте Мишкиной все, что знала, а в горячке даже и от себя лично кое-что добавила. Анюта, еще бедовая, крепкая и сухожильная, но робкая от роду, захваталась за голову уже на середине рассказа и надумала идти обратно, но сразу вернулась. Тем временем из-за дома, где этим летом жил Витька-офицер, показалась еще одна деревенская старуха, Лидия Аропланиха, ходкая, скорая на ногу. Следом катил велосипед десятилетний, в конопушках, внучонок Сашка, гостивший у бабки все каникулы.

Оказалось, что и у Лидии Аропланихи были незваные гости, также уговаривали показать иконы. С толстым круглоглазым парнем был, тоже в трусах и майке, еще один здоровый мужик.

— А я ихнюю машину видел, — вдруг выпалил десятилетний Сашка. — Она у скотного двора стояла.

Старухи вперегонки кинулись к парню за разъяснениями. Но толку особого не добились, тот лишь добавил, что видел собственными глазами, как эта «девятка» уехала обратно.

— Вот что, бабы, — решила тогда Лидия Аропланиха, — как ведь, дьяволы, уехали, так и вернутся. Это они узнавали все. Про нас-то. Если что в домах. Да кто живет. Мало им, бесам, зимусь все у людей повытаскивали, теперь и при ясном дне уже папоротки распускают. Не к добру это, ой не к добру. Вот что, Сашка, — она дернула внука за ухо, — садись-ко на лисапед свой да едь до центральной-то усадьбы и милиционерам позвони. Все обскажи. Гляди не забудь у меня чего.

— Ладно, — буркнул внук и, забравшись на велосипед, понесся вниз с горушки на большую дорогу.

Задание ему понравилось, и он даже ненароком едва не задел валявшийся еще с незапамятных времен возле обочины указатель с названием деревни. Выворачивая на дорогу, Сашка несколько раз вильнул рулем, затем с новыми силами, отдуваясь и переваливаясь на раме, закрутил педалями в сторону центральной усадьбы.

А старухи все вместе направились в избу к Катерине Глебовской. Лидия Аропланиха по дороге заскочила к единственному деревенскому мужику Ване Лейте, прозванному так еще молодым парнем: до того, было, допьется — шевелиться уж нет сил, а все равно еще охота, вот и кричал: «Лейте, лейте!» Прозвище так и осталось, хотя Ваня давно уже был Иваном Ивановичем и теперь, не обращая особого внимания на собственный возраст,

Надо сразу сказать, что открывал моего друга как писателя совсем не я... Да и мое отношение к «вступительным словам», то есть к публичным напутствиям, резко отрицательно. Скажут: а сам-то небось пользовался поддержкой старших, более опытных и влиятельных. Увы, это действительно так... И в семинарах участвовал, и рекомендацию в Литинститут у Смелякова клячил... Конечно же, я не брезговал подобной помощью во времена студенческие. Но мне уже и тогда казалось, что начинающему, неопытному сочинителю нужен только один импульс, первоначальный толчок, одна первая публикация... А талантлив ли он или так себе, печататься ли ему в журнале или в газете, изволь решить сам. Карабкайся, братец, сам, сам утверждай себя текстами рукописей. Текст говорит сам за себя, сам пробивает себе дорогу. И тогда я так считал, и сейчас так думаю...

каждый сезон поддежуривал на ферме, а в остальное время помогал своим старухам по хозяйству.

Вскоре все сидели у Катерины на кухне, чаевничали. Ваня, высокий синеглазый старик с лысой головой, выглядел недовольным, привыкнув в жару часик-другой вздремнуть, но он же и подсказал, как надо делать дело.

— Оне, верно, опять придут. Не сегодня, дак завтра. Не сойти с этого места. Милиция милицией, а надо, бабы, всем вместе держаться, кучей. Пять домов в деревне, а раз в месяц друг с дружкой поздравкаемся. А на милицию жданки малы. Да вон бы еще Витьку-офицера на подмогу-то кликнуть. Он парень провористый.

Все стали вспоминать про Витьку-офицера. Впервые тот появился в деревне с год назад, но до сих пор о нем ничего не знали. Из дома почти не выходил. Поговаривали, пил много, вот и на улицу не показывался. Правда, раз кто-то видел его на огороде, беловолосого, худого, без майки, и испугался: у Витьки все тело, вся животина была как будто проехана бороной. Тогда и решили, что вернулся парень с недавней войны. Тем более что ходил Витька-офицер в военных штанах и высоких зашнурованных ботинках даже в жару. С деревенскими всегда поздороваётся, но к разговорам не приставал. Поэтому его немного и опасались. Но сейчас дело такое, что без него, может, и не обойтись. Сход направил к Витьке-офицеру самого Ваню: как-никак тоже мужик, поладят.

Оставшись в одиночестве, старухи опять поставили самовар. На кухне было тихо и прохладно, в самой избе свободно гудели вечерние мухи, похозяйски летая из комнаты в комнату, а в переднем углу бормотало радио. День, поостыв от жары, незаметно клонился к закату.

Все к этому времени успели прийти в себя. Во-первых, прибывший внук Лидии Аропланихи Сашка доложил, что в милицию он позвонил, и там, как поосвободятся, обещали выслать наряд для проверки. Порадовал и Ваня: Витька-офицер согласился заглянуть на огонек.

Потихоньку все кругом успокаивалось, в воздухе заметно посвежело и запахло вечерней росой, в деревенском озерке то и дело слышались заманчивые всплески играющей рыбы, а сразу за домами, возле близкого леска, розовело и меркло небо, медленно угасая; откуда-то со стороны центральной усадьбы изредка доносились ржавые, монотонные звуки.

Деревенские уже справились с задуманным как следует. Сначала долго спорили, где положить вилы, тяпки и грабли, чтобы в нужное время все оказалось под рукой, а Ваня, выворотив из огорода, притащил большой осиновый кол. Решили, что в избе весь инвентарь оставлять нельзя, ежели дойдет до дела, поэтому склади прямо возле крыльца Катериного дома. Ждать незваных гостей и можно было именно с этой стороны: видно как на ладошке. И мимо уж не проскочат, если на самом деле кому-то взбредет в голову ехать сюда.

Старухи дули уже не первый самовар, а у крыльца на лавке, заросшей пыльным подорожником, сидели и курили Витька-офицер с дедком Ваней.

Тем не менее первый толчок извне, первый нырок в *бездну публичности*, вероятно, для многих необходим, чтобы у автора появилась уверенность. Уверенность или самоуверенность? Если автор талантлив, он чувствует, где что... К несчастью, стыдливость не присуща нахрапистым. А графоманов она просто обходит стороной.

Мне представляется, что Александр Цыганов не принадлежит ни к первым, ни ко вторым. Его литературная ответственность постепенно возрастала во времени, с ее возрастанием учащались и публикации, при этом крепили и его художественные дерзания.

Василий Белов

Витька сначала зашел в самую избу и, как деревенский, запросто поздоровался со всеми, а потом мужики ушли смолить. Со старухами остался лишь внук Лидии Сашка и от безделья играл с кошкой: дразнил ее, подергивая веревочку с привязанным на конце цветным фантиком, но кошка не поддавалась на обман, а только лениво жмурилась, хитро поглядывая на горожанина.

Сашке надоело баловаться в избе, и он выбежал на волю, но скоро заскочил обратно, крикнув, что в деревню едет машина.

Старухи обмерли. Смирная Анюта Мишкина, как от тычка, даже с хлопьями еле не ткнулась в блюдечко с горячим чаем, захваталась за клеенку на столешнице.

— Едут, едут! — неизвестно чему ликуя, подпрыгивал Сашка. — Машина, что и утром была. Вон она, вон она!

У Лидии Аропланихи хватило еще соображения глянуть из окна — не ушли ли куда мужики по надобности? Но Витька-офицер уже встал и неторопливо, будто спросонья, потягивался, а Ваня, приставив ладошку к глазам, вглядывался на приближающуюся в легкой вечерней пыли машину.

— Господи, благослови! — Торопливо перекрестившись на золотящуюся в кухонном углу темную икону, Катерина оглянулась на товарок, и старухи одна за другой тихонько пошли на выход.

Они осторожно спустились с высокого крылечка и сели на лавку у дома: чему не хотелось верить — случилось и происходило ровно в забытии или тяжелом сне. Бабы смирно сидели, сложив на передниках раздавленные работой руки и глядя перед собой.

Машина, темно-синяя, сверкающая, плавно покачиваясь, точно лодка на волнах, остановилась как раз напротив Катеринино дома, бесшумно распахнулась дверца с темным стеклом, а из нее на землю крепко ступила толстая нога в тапке. Вышел и сам парень, утрешний, с узко поставленными, бойкими глазами, борода лопатой.

— Еще раз, — весело крикнул бородатый, — всем привет!

— Доброго здоровьица, — по-хорошему откликнулся дедко Иван.

Следом за первой дверцей пооткрывались и остальные. На улице оказались четыре человека, все молодые мужики, одетые под стать бородатому. И тут из кабины неожиданно появился еще один человек, не таковский, как остальные гости: он был в белоснежном дорогом костюме, рубашке с цветным галстуком и в узких очках, за которыми не видно глаз, а широкие скулы, недобро выделяясь, охватывала злая, в завитушках, шетина недельной непробитости.

— Что, бабки, — по-прежнему весело прокричал бородатый, — как с иконами-то? Мы ведь помочь хотим. — На деревенских мужиков он смотрел как на пустое место. — Зря отказываетесь. У вас икон много, солить их, что ли? А мы денег дадим еще больше. Хоть завались!

Старухи переглянулись меж собой. Но тут Лидиин Сашка подбежал было к машине, и Аропланиха, заводив своим длинным белым носом, зашипела и погрозила парню кривым согнутым пальцем.

Бородач, восприняв эти действия как угрозу, заметно не похорошел.

— Бабки, — пожимал он литым кулаком, — реставратор шутить не любит!

И глазами на этого в очках опасно показал, а после запустил свою лапу в бороду: мошкара, висая столбом, липла и не давала покоя. И поскреб всего ничего под волосатым горлом, а борода возьми да и отпади — липовая оказалась!

— Господи! — едва не в голос всполошились старухи на лавке.

— А ведь нарушат нас, — поднимаясь, вдруг заголосила обо всем догадывавшаяся Лидия Аропланиха. — В нашей-то деревне. За тем и приехали!

Но раньше всех лишь двое знали — только два человека по-настоящему понимали, чем может все закончиться, если один другого не опередит: Витька-офицер и молчун в очках, на которого указывал бывший бородач.

Молчаливый уже сунул руку во внутренний карман пиджака, но Витька, опередив, ткнул пальцем куда-то за его плечо и крикнул:

— Этот с тобой?

Молчаливый маленько повел головой, но Витьке-офицеру хватило и этого: вдруг выбросив перед собой руки и подтянув ногу, он в то же мгновение неуловимо ее выпрямил — неведомая сила хрястнула молчаливого о машину, даже очки слетели.

Старухи на лавке голосили, как будто на них клином сошелся свет, а Ваня Лейте, сграбастав кол и размахнувшись им, молчком пошел на стоящих у машины.

То, что начинало происходить, видно, никак пока не укладывалось в буйные головушки приезжих, многое уже, наверное, повидавших в свои еще молодые годы. Они еле-еле успели поставить своего молчуна на ноги, а уж с лавки, поднявшись в полный рост, надвигались на них вооруженные граблями, тяпками и вилами простоволосые деревенские старухи — уже очнувшиеся, без слов, спокойно, решительно готовые, если, не дай Бог, доведется, стоять и насмерть, до конца.

Приезжие, неуверенно похохатывая, запереглядывались, растерялись. Они и правда не знали, что сейчас делать. Липовый бородач первый, кашлянув, отодвинулся. За это время никто не сказал ни слова — ни с той, ни с другой стороны.

— А-а-а! — внезапно завопила Катерина Глебовская и бросилась с вилами наперевес прямо в медленно отходящую кучу чужих гостей. И тыкала вилами-то, и тыкала, глядя широко открытыми, ничего не выражающими глазами, и все кричала, как будто уже предсмертно, как это делают лишь женщины в нестерпимую, жуткую минуту.

Тут уж приезжим на самом деле стало нехорошо. А Ваня Лейте, размахнувшись колом как его душеньке угодно, наконец-то изловчился хряпнуть со всего размаха, но промахнулся: кол плашмя попал в землю, а сам Ваня, не удержавшись, сунулся следом. Но сразу оказался на ногах и, согнувшись, бросился вперед.

Кажется, ничего уже не понимающие парни, развернувшись, боком, медленно потянулись к леску: сначала как бы играючи, нехотя, но страх, бодро настраивая на здравые размышления, ускорял их бег, направляя к близкому спасительному леску. Молчаливый «реставратор» на ходу опять попытался что-то выдернуть из внутреннего кармана, но Витька-офицер, бежавший легко и пружинисто, не подкачал и здесь: подпрыгнув, он достал ногой хребтину «реставратора», и тот, кувырнувшись колесом, вновь оказался на своих двоих и припустил так, что обогнал подчиненных.

— А-а-а! — неотступно выла Катерина Глебовская, стремящаяся вперед с вилами на изготовку.

Не отставали от нее и Лидия с Анютой. Рядом, припадая на ногу, верным оруженосцем продвигался дедко Ваня, а кол он теперь держал как винтовку, наперевес.

Городские толпой как бы в шутку добежали до опушки леса, а дальше, негромко матерясь, ринулись от греха подальше в самую чащобу, попав в непроходимый бурелом, над которым грозной тучей вяло колыхались полчища гнуса, в мгновение ока поглотившие беглецов.

Догоняющие остановились. Оказалось, что, кроме Витьки-офицера, все подчистую выбились из сил. Анюта Мишкина, которой вовсе было невprodых, только махала рукой, выговаривая: «Ой, Господи-батюшко, ой, спаси-сохрани». Дед Иван, опершись на свой кол, безразлично, с полузакрытыми глазами поглядывал в сторону леска, а Лидия Аропланиха отваживалась с Катериной Глебовской: что-то ей шептала, заодно потихоньку вытаскивая вилы, которые подружка продолжала держать намертво. Только Витька-офицер, сплюнув под ноги, растер это место крепким военным ботинком, а после деловито отошел туда, где подшиб главаря, как раз возле пруда, густую затянутого пленчатой зеленой тиной. Попынывая коч-

ки, он внимательно исследовал место вокруг сражения. Затем, наклонившись, поднял что-то сталисто блеснувшее и, с легким прищуром повертев в руках, бросил находку в пруд, лишь сбубльало.

Охая и причитая, ополченцы, сопровождаемые Ваней, возвращались в деревню.

— Пойдем, Витя-батюшко, хоть чаю поставим, — слабым голосом позвала по дороге Катерина Глебовская, и все повеселели: слава Богу, наконец-то заговорила баба как все добрые люди.

Возле машины приезжих столбиком стоял конопатый Лидийн Сашка и, отворив рот, изумленно смотрел на деревенских. Казалось, он на время лишился дара речи при виде того, что произошло на его глазах.

И Витька-офицер unbedingt и легонько возьми да подщелкни Сашке под подбородком — как это у него ладно вышло?

Дедко Ваня снова сложил весь сельхозинвентарь возле крыльца, и все поднялись в избу. Решено было ночью на всякий случай не спать — дежурить: сюда в любое время могли вернуться из леса любители старины.

Ночь, белея ромашками, стояла тихая и теплая, сизый туманный свет бережно окутывал деревню, и она точно парила, недосыгаемая, в воздухе, а тишина была такая, что слышалось, как плескалась вода в самой низине деревни в маленьком, блюдечком, озерке, которое можно за несколько минут свободно переплыть туда и обратно.

Катерина Глебовская включила свет и достала из кухонного, засиженного мухами шкапа зеленую бутылку и молодцевато, экое диво, со стуком водворила посреди стола:

— Ну-ко, Ваня, распечатывай давай: за тобой в этом деле ровни не водилось!

Но тот взял и всех удивил, от дармовой водки заотказывался:

— Не, бабы, седни не в то горло полезет. — Да и верно не стал прикладываться.

А Витька-офицер даже чаю не захотел: чтобы за дорогой пригляд был, к окошку в переднюю комнату собрался. Лидия-то Ароплиниха, до чего у бабы язык долгий, возьми тут и скажи Катерине:

— Откуда у тебя и взялось, девка: гли-ко, чуть ведь городских гуляк совсем не нарушила. Мы и то перепугались.

Катерина Глебовская помолчала, а потом и говорит тихонько:

— А я ведь, бабы, взаправду думала, что Якова-то своего спасу, успею.

— Кого? — прихлопнула себе ладошкой лицо Анюта Мишкина. — Господь с тобой, матушка, ведь твой-то хозяин еще в сталинградском огне сгорел, что ты!

— А вот верьте, нет, бабы... — Катерина, низко повязав, несуетливо поправила ситцевый, в красную горошину платок, потом виновато улыбнулась всем своим маленьким коричневым личиком. — Будто сама война и приблазила вьяве, и мой Яков, покойная головушка, там один-одинешенек, а его какие-то незнакомые, все страшные такие, окружают да окружают. Ведь из памяти меня вышибло, в глазах отемнело, уж не держите обиды-то, сама не рада...

У подружек и отлегло на душе. Лишь Лидия Ароплиниха не удержалась, подтвердила со вздохом:

— А война, что как не война идет: горит все кругом синим огошком, это Господь за грехи наши горемычные наказывает.

Витька-офицер, опустив голову, скоро вышел в переднюю комнату и сел к окну. Никому не ведомо, какие он думы думал этой бессонной летней ночью под законный стрекот кузнечиков и тихий шепот зеленой травы. Только под его острым кадыком порой сухо щелкало да какая-то нетерпимая, идущая изнутри немочь сводила иногда шею, и она мелко, напряженно и долго тряслась, туманя глаза и уводя от слуха затихающие разговоры стариков, всем скопом укладывающихся на ночевку прямо на большой Катериной кухне. Еще его выводила из себя капающая из самоварного крана вода, вбивая в голову раскаленный невидимый гвоздь...

Наверное, и домучили Витьку-офицера эти каленые боли — подзабылся он то ли долгим, то ли коротким сном, но очнулся вдруг: где-то за околицей буркнула машина. Витька лихорадочно потряс головой и, морщась, глянул на свои наручные со светящимся циферблатом: «Бог мой, утро!» А за окошко-то, наклонившись, сунулся — нет и машины городской, как приснилась. Он мгновенно, по-кошачьи вспрыгнул на ноги, на цыпочках вынесся из избы, мельком глянув на кухню: там вповалку приткнулись на широких лавках те, кто еще накануне едва не лишился последних годков жизни, и спали теперь без задних ног, а десятилетний Сашка посвистывал носом на русской печке, подложив под голову кулачок.

Витька-офицер, пригнувшись, неслышно обежал вокруг избы и, выскочив на середину улицы, с ходу все понял: безрадостные ценители древности, верно, дождавшись, когда в деревне уж точно поснуто, и явно покусаные до необходимых вздутостей полчищами гнуса, и не мечтало о какой-то мести, а просто спасали — катом спровадили свою машину с горюшки, а дальше, до дороги, видать, из благоразумных соображений дотолкали руками — и только их видели. А что это тогда уркало — может, все-таки вернуться решили? У этих отморозков ума хватит. И Витька, энергично растирая ладонку о ладонку, стал торопливо разогревать руки: он решил встретить это уркающее подальше от деревни, по дороге к центральной усадьбе, и все будет как надо. Но не добежал он каких-то двух метров до брошенного указателя с названием деревни, как опять уркнуло, уже явственно. Может, гром? А что, дышать уж нечем, столько времени палит напропалую. Но нет, со стороны центральной усадьбы, коробчато подпрыгивая, бойко бежала милицейская машина.

Витька-офицер медленно поднял руку. Он стоял посреди дороги, широко расставив ноги в высоких шнурованных ботинках — спокойный, уверенный, надежный.

— Э, мужик! — высунулась из окна тормознувшей машины рыжеволосая голова водителя. — Дело пытаешь али от дела лытаешь?

Витька не стал объясняться с красноречивым водителем, даже не взглянул в его сторону. Переговаривал он, да и то вполголоса, с вышедшим на волю капитаном, в чем-то неуловимо напоминающим самого Витьку. Тот слушал, покачивая головой, раз даже неверяще схохотнул, но после они перекурили и за ручку попрощались; машина, развернувшись, лихо укатила в обратном направлении.

Оставшись один, Витька раздумчиво постучал носком ботинка по крепкой земле — напротив, едва не на обочине, вверх тормашками валялся указатель с названием деревни. Витька-офицер, расправив плечи, с удовольствием, до хруста потянулся и, зевая, скорее по привычке наскоро поставил этот указатель с надписью: «ТАЛАНИХА. 0,5 км» — приткнул с краю дороги на прежнее место. Даже, для того же порядка, обтер еще своей широченной ладонкой от старой, ссохшейся грязи и само название — слово, как известно, издревле, всегда означающее «счастье», удачу. А ведь год уже, как здесь бывает и как будто впервые название-то услышал, из головы начисто вылетело. Да, честно говоря, когда жилье покупал, мало и интересовало, не спрашивал. Брал по знакомству, со слов: от большой дороги первая деревня — и как у Христа за пазухой живи...

А между тем было начало такого в птичьем посвисте утра, когда человеку невольно кажется — кто бы еще это видел, — что именно от этих маленьких деревянных домиков с крохотными баньками в густой зеленой траве да синего озера-блюдечка, овянных теперь волшебным небесно-золотым светом, и начиналась когда-то сама земная жизнь.

«Помяни мое слово...»

И хотя с пустого огорода вдруг сорвался осенний ледяной ветер, он не спешил заходить. Стоял в какой-то рваной фуфайке и, подняв голову, взглядывался в черное окно избы. Потом медленно, на ощупь вошел в дом и

с трудом потянул тяжелую, обитую войлоком дверь — в коридор, опыхнув хлебным теплом, вырвался избяной дух.

Но из лунного полусвета передней комнаты никто не вышел навстречу, и он, стоя у порога, позвал несмело, тихо, с неуловимой растерянностью: — Мама.

Ему пришлось еще раз окликнуть, потому что простоволосая старая женщина, неслышно появившись, смотрела больше неузнаваемо, чем испуганно, прислонясь к дверному косяку.

— Мама, — с тоской, хрипло повторил он. — Это я. Помнишь?

— Бог с тобой, — придя в себя, наконец отозвалась хозяйка, слабо махнув рукой. — Не знаю, чего тебе надо. Вон возьми хлеба, да, если хочешь, картошки дам.

— Я не хочу есть, — ответил он уже спокойно и без обиды, понимая, что его принимают за обыкновенного попрошайку. — Мама, это правда я. Неужто не узнала? Я же обещал вернуться — и вернулся. Помнишь, как я все время говорил: «Помяни мое слово»? От тебя и научился.

Женщина снова долго молчала, затем, когда он, не дождавшись ответа, повернулся к двери, спросила неуверенно, как будто что-то припоминая:

— Может, самовар тогда поставить?

Но он уже вышел и, не разбирая дороги, заспешил через огород прочь из этой деревни прямо на бетонку, словно человек, потерявший самое дорогое и еще толком не знающий, где это могло произойти.

Женщина, оставшись в одиночестве, наклонилась к окну, затем, оглядываясь вокруг себя, пододвинулась к застекленной фотокарточке на стене и, вздохнув, точно после непосильной работы, скрестила руки:

— Или совсем из ума выживаю, или и взаправду моему парню даже там тошно без матки. Видно, пора собираться.

А он, скоро отшагав в другую сторону километра три, подошел к поселку, угадываемому лишь по обманчивым лунным очертаниям домов, и приблизился к одной из барачных щитовых построек. Ни одна собака за это время не подала голоса и не облаяла чужака, хотя этой породы здесь водилось больше, чем людей.

В это время на крыльце домика, хлопая широкими голенищами сапог, появилась молодая женщина, светловолосая, с капризными, припухлыми губами, и, кутаясь в наспех накинутую пальтушку, заторопилась под навес к дровянику.

Не доходя до места, она остановилась, тревожно оглядываясь по сторонам и не различая в темени того, кто был рядом и старался оберегать ее даже от собственного дыхания.

— И ты не узнала, — с той же затаенной тоской, печально прошептал он. — Никто меня сегодня не признает. Наверно, потому, что темно. Даже сам сначала заблудился. В чужой дом попал, да еще другого человека за мать принял. А почему теперь стало везде темно?

— Да уж который год, как по вечерам не дают света. С кого и спросить, не знаем. Как слепые бродим, дальше своего носа не видим, — так, словно она говорила сама с собой и с каждым мгновением поражаясь этому происшествию, ежась, неуверенно ответила молодая женщина.

— Ты не беспокойся, — снова осторожно, одними губами заговорил он, робко отводя свой взгляд. — Я ведь правда не обижаю, что не дождалась меня. А что вышла за него, так это и хорошо: он ведь еще со школы не спускал с тебя глаз. Понимаешь, сейчас всем трудно, вот он и выпивает иногда. Ты уж не держи на него зла. Главное, он мужик заботливый, не даст тебе с дочкой пропасть. Вот помяни мое слово. Ты только потерпи еще немного.

— Господи, да что такое творится, — заголосила женщина, отступая к крыльцу, и, запнувшись, едва не растянулась. — До чего со своим дураком долаешься — заговариваться начнешь. Вершись все головой с этой и жизнью-то!..

И она, запямятовав, для чего была на улице, скоро захлопнула за собой

дверь — сначала железно скрежетнул крючок, а следом брякнул и засов. Немного погодя, быстро-быстро, и в самой квартире потух свет.

Постояв с поникшей головой, он провел руками по лицу, зябко запахнул свою неказистую фуфайку-поддегушку и, ниже надвинув шапку на глаза, выбрался из этого поселка.

Некоторое время он растерянно топтался на развилке двух дорог, после чутко насторожился, видно, услышав наконец одному ему ведомое, и уже без раздумья чуть не вприпрыжку припустил к лесу, откуда стеной наносило предзимней стужей, но он, ничего не замечая, торопился все скорее и скорее, пока налетевшие порывы вселенского ветра, казалось, внезапно не подхватили его и, завертев в своем гибельном вихре, скрыли из виду.

Одному лишь ему известно, как преодолелись два десятка километров за время, равное человеческому вздоху, только в деревню на горушке он подоспел к сроку, стоя у пучного дома уже из последних сил.

Чуток отдышавшись, он было шагнул к крыльцу, как, поскользнувшись, ничком ткнулся в стылую грязь, а только успел подняться, откуда-то из-под горушки и появилась машина, шаря перед собой яркими фарами. И тотчас на мгновение выявились на нем вся в рваных дырах, будто от выстрелов, какая-то зеленая фуфайка и шапка с вмятиной от кокарды и оторванным ухом: неожиданно освещенный с головы до ног, он лишь изумленно, по-детски приоткрыл в испуге рот и тут же, как вспышка, исчез — скрылся в своем ослепительном свете, ровно никого здесь и не бывало, только отчетливо проявилась светлая дорожка к самому крыльцу.

Машина, остановясь и газуя, выпустила из крытого кузова женщину с сумкой на боку, как у почтальонов, и сразу заурчала во тьме, а женщина прошла по светлой тропинке и забарабанила в дверь. Не достучавшись, она торкнулась в коридор, а после привычно вошла и в саму избу.

— Хозяюшка, ты где? — задорно крикнула она. — Дома? Ставь давай самовар на стол! Принимай гостей!

Но никто не откликнулся на ее голос. Тогда она заглянула в переднюю комнату и, нащарив выключатель, зажгла свет. На старой кровати с железными шариками лежала поверх одеяла женщина. В какой-то застывшей, казалось, тишине еще медленнее тикали настенные часы, висящие над хозяйкой дома.

— Ты чего это, девка? — удивилась почтальонка. — Зову-зову. Язык, что ли, отнялся? Да у тебя, гляжу, и в избе-то вроде все выдуло!

Но женщина продолжала молча лежать без движения, хотя по ее лицу было ясно, что она все понимает, что говорится.

— Да что с тобой стряслось-то, тетка Вера? — уже всерьез стала пугаться почтальонка. — Все ли хоть ладно-то? Ты чего все молчишь да молчишь? Не заболела случаем?

Но, видя, что хозяйка дома продолжает только неподвижно смотреть перед собой, она засуетилась — забегала по комнате в поисках хоть каких-то лекарств, принесла с кухни воды и хотела напоить лежащую женщину, но все было напрасно — та продолжала оставаться пластом. А вода лишь пролилась на нательный медный крестик, и это окончательно довело почтальонку.

— Ведь утром еще все слава Богу было, — запричитала она, опускаясь на стул. — Господи, и машина-то с рабочими ушла, знать бы, дак за врачом успели б обернуться... — И, покачиваясь на стуле, она прижала к лицу руки, причитая и охая. — Я-то, дура, торопилась, думаю, вот обрадую-то!..

Тут она оборвала саму себя, огляделась кругом.

— Ой, тетка Вера, да я тебе главного не сказала. — Схватив свою дерматиновую сумку с почтой, она перевернула ее вверх дном и, вытряхнув газеты, выхватила полоску серой бумаги. — Тебе ведь телеграмма! Из самой Москвы послали!

По лицу лежащей пошли судороги, и она дернулась, как будто под током, после на ее щеках появились пятна, а сама она стала прямо на глазах наливаться живительным светом.

Скоро женщина, пытаясь открыть рот, прерывисто задышала, поводя глазами из стороны в сторону.

— Счас, счас, — бестолково суетилась почтальонка, разворачивая листок и читая, как человек, недавно обученный грамоте, — по слогам, громко и неуверенно — «Ваш сын нашелся тчк настоящее время находится излечений городе Москва тчк представлен правительственной награде тчк Однофазов».

— Дождалась, — точь-в-точь эхом донеслось от приподнявшейся на подушке женщины. — Пришел... Господи...

Она говорила словно в забытьи, с перерывами, тяжело дыша и глядя в одну точку перед собой.

— А ведь смертушка моя рядом была... Легла вздремнуть — и не повернуться, руки-ноги отнялись. Хотела кого крикнуть, а все онемело. Чую уж, как и сердце-то еле-еле стучает... — Тетка Вера передохнула, прислонясь к спинке кровати. — И тут вижу, как въяве летит навстречу мой парень, откуда-то издалека, во рваной фуфайке, стойно арестант какой, и вот чего-то мне кричит, все зовет. Слова-то уж больно знакомые, а понять не могу... — Она снова передохнула, хватая воздух открытым ртом. — Только после этой весточки и отлегло немного. А следом ты прибежала в дом. Вот помяни мое слово, скоро и сам, рожоное сердце, ступит на родное-то крыльчко.

Тетка Вера заплакала было, но сразу остановилась.

— Ой, матушка ты моя, а взаправду выдуло в избе: давай-ко хоть затопим столбянку. Да и самовар надо вздуть, у самой во рту маковой росинки не было. Поди-ко, надо снова жить, коли такое дело.

И она с трудом сползла на пол, после, держась за стенку, останавливаясь едва не на каждом шагу, направилась на кухню. Тем временем почтальонка живо растопила печку и захлопнула чугунную заслонку.

Вскоре обе женщины сидели за столом и неторопливо, с блюдечек пили чай. За спиной у них гудело и трещало в печке, а на окошке, возле старинного комода, шевелились цветные ситцевые занавески.

Сама почтальонка уже перестала то и дело посматривать незаметно на тетку Веру, и они в который раз за вечер дружно изучали телеграмму, обсуждая каждое слово, перебивая друг друга.

А хозяйка, вовсе ожившая после чая, налила по очередной чашке и опять, не утерпев, взялась за бумагу.

— К примеру, сейчас начальник, — она, не отрываясь, зачем-то стала на свет рассматривать дорогой листик бумаги, и ее пальцы беспричинно завздрагивали, — написано Однофазов который: он только военными верховодит, или уж над всеми дадена власть?

— Тут, матушка моя, слушай, все по полочкам разложу... — бойко, как будто дожидаясь именно этого вопроса, наладилась объяснять товарка и для пущей убедительности даже прихлопнула по столу, но, как на грех, сглотнула горячего чая и, обжегшись, в сердцах махнула рукой. — А понеси водяной всех и начальников: я ведь не Свят Дух и наших-то ребят с ними не крестила.

Обе женщины расхохотались и одновременно, не сговариваясь, скинули на плечи шерстяные платки: в избе к этому времени заметно потеплело.

Клюква

Он был рад, что ушел от остальных ягодников. Хотелось быть одному. Тем более что выходить обратно со всеми на душе не лежало: за ягодным болотом притаилось тихое озерко, где у него была давно еще припрятана легкая сухая лодчонка, на которой, переплыв озерко, после можно спокойно за какой-то час дошагать до своего дома.

Места эти, конечно, хожены-перехожены. С детства и до старости: как-никак, а уж шесть десятков недавно стукнуло. Время промелькнуло, как та самая птичка, что теперь стремительно порхнула с кустика на ветку, — оглянуться не успел.

В лесу на все лады чиликало, трещало, посвистывало. Солнце светило тускло, было ветрено и холодновато. Перед болотом на косогоре густо шумел осинник: с одной стороны листья были красны, с другой — маслянисто блестящие, зеленели.

Он вдруг остановился, удивившись тому, что как бы со стороны увидел себя: в черной стеганой фуфайке с крупными пластмассовыми пуговицами, с зеленым рюкзаком за спиной и двумя эмалированными ведрами на руке, в синей восьмиклинке, выбритого до гладкости и со странной улыбкой озирающегося кругом... Еще не легче!..

Он передернул плечами и, вытащив из кармана брюк алюминиевый серебристый портсигар, торопливо закурил, нехотя разгоняя сизоватый, в завитушках дымок. Затем двинулся дальше, покачивая головой: непонятно — точно прощаешься с чем-то или с кем-то, а под сердцем каленой иглой знобяще держится самый настоящий страх...

Он густо прокашлялся, отгоняя тяжкие думы, и, сильно раздвигая кусты, вышел к укромному болотцу.

Чуть ли не перед самым носом вертушкой пролетела сорока-трещотка. Но и без ее вести было ясно, что здесь еще не ступала нога ягоdnика и что клюквы нынче видимо-невидимо. Бери — не оберешься.

Он вздохнул во всю грудь — уже легко и свободно. Потом, раскатав резиново скрипевшие бродни до пахов, опустил на колени и принялся обеими руками споровито и быстро собирать в эмалированное ведро лаково красневшую, тугую и спелую клюкву.

За делом он, как и всякий истинно работающий, забывался. Ягод было так много, что глаза невольно страшились, а руки — делали. Болотный мох упруго пружинил под резиновыми сапогами, под коленями чуть колодезно холодило...

Он вспомнил, как в детстве тоже вот так же елозил здесь, на ягодах, вместе с деревенскими, была и Надька Грачева, без нее и гулянка не гулянка, всюду успевала. Он высыпал ей тогда из своей банки-посбирушки все ягоды, а когда ребята увидели и стали дразнить, выхватил у Надьки ягоды и кувырнул их в мох. Как там и были...

А позже, на вечеринках, Надька поглядывала все на него и, встречаясь с ним взглядом, краснела... Потом взяла да и выскочила за парня-жердину с Цветкова, ягоды, что ли, припомнила... Худо ему тогда было — впервые почувствовал, в которой стороне сердце: там палило и жгло так, что... Женился и сам... на одной тут. Из соседней деревни. Ну, женился и женился. Значит, надо жить было. Только уж больно женушка сварливой да жадной оказалась, что просто диву давался — откуда у нее это?.. Одно время слух ходил, что она в детстве, в голодные годы, у родной сестры срезала с пояса хлеб в мешочке. Конечно, говорить, так до всего договоришься, но если уж верно знать не знаешь, так и вины нет... Что бы там ни было, а однажды он не застал жены дома — и след пропал. Взяла да уехала — как и не жили вместе. Ни ответа ни привета. Позже узнал, что удула куда-то к дальним родственникам: тайком списались, те пообещали у себя в городе работу денежную, ну и двинула новое счастье искать.

Бог с ней. Как говорится, кто старое вспомянет... А только с тех пор так бобылем и живет. Привык. Даже нравится: тебе никто не мешает, и ты никому поперек дороги не стоишь. Милое дело. Имеется и хозяйство: корова, пара овец, даже держит небольшую пасеку. Мед — не последнее дело для здоровья. А когда обращаются деревенские за помощью — не отказывает, всегда поможет, дальше больше сделает, точно в чем-то виноватый.

Может, понимает, что люди сторонятся его порой оттого, что такой вот молчун, каких свет не видывал, а за работой, глядишь, и перекинешься с человеком словом-другим, все веселее... Хотя что ни говори, а один — он и есть один. Одной-то рукой и узла не затянешь...

Он и не заметил, как набрал первое ведро. Даже с кленьком. Доверху. Встал, не в силах сразу разогнуться, тихонько постонал, выпрямившись в пояснице. Неожиданно вновь опажнуло леденящим холодком под сердцем, оно сжалось и затосковало. Он сердито скрипнул зубами, снова размял твердыми коричневыми пальцами папиросину, затянулся так, что резцы нижних зубов до боли впились в прикушенную губу. Дела... Дела выходили как сажа бела: чем больше думалось да припоминалось, тем муторнее становилось на душе, словно и впрямь на прощание вся жизнь заново вспоминалась — с начала и до конца...

Тяжело передвигая крупными желваками, он вложил полное ведро в рюкзак, затянул на новую, прочную веревку и, заметив место, оставил под белой в черных подпалинах березой зеленый рюкзак с эмалированным ведром, полным ярко-рубиновой клюквы.

Второе ведро набиралось труднее. Ломило в спине и шее, бросало то в жар, то в холод, а раз он, неловко повернувшись, кульнул носом в мох и коротко, скороговоркой ругнулся...

Он и не заметил, как наступил вечер, в воздухе тонко похолодало. Перед лицом висела прозрачная золотистая паутина, и он вспомнил, что так еще и не перекусывал. Достал из кармана газетный сверток, развернул его: пара красных помидоров и свежепросоленных огурцов, мягкий, с хрустящей корочкой хлеб, густой, медный чай в бутылке с капроновой пробкой. Перекусив на скорую руку, он вскоре дособирил и второе ведро, но уже без желания, по необходимости и через силу.

В груди жгло и покалывало, гудом гудела голова. Он чувствовал, что так, пожалуй, никогда не уставал. Удивляясь своей слабости, он нашел мету с ягодами, вскинул рюкзак за спину, подтянул брезентовые рубчатые лямки и, взяв в левую руку другое ведро, направился к озерку.

Под его ногами спичечно похрустывали сучки, а ветер был теперь тих, со мглистым и далеким кругом солнца. Низко неслись тучи, как будто куда-то опаздывая. Одна остановилась над озерком и словно набухла, потемнела...

Он отыскал лодку в ольшанике, шумевшем чутко и тревожно, столкнул в воду. Аккуратно расположил на корме ягоды.

Ягоды... А ведь он звал про себя Надьку-то Грачеву ягодкой... Воно что, выходит, вот отчего и вспомнилось сегодня все это, хотя что все-таки случилось с ним на болоте, он так и не понял...

Ягодка, ягодка сладкая, ягодка горькая... Он оглянулся по сторонам, точно кто-то мог подслушать то, что он думал, затем надвинул кепку низко на лоб и удобнее сел за весла.

И в третий, уже в последний раз за сегодняшний день он ощутил под сердцем укол — раскаленный, огненный, нетерпимый...

Он еще успел подумать, что так, наверное, устал на ягодах, и, приложив руку к сердцу, вскинул голову. Темная, набухшая туча стремительно и мягко обрушилась на него, заслонив собой белый свет. И он, привстав, ничком рухнул прямо в ягоды, выбросив перед собой сразу ставшие безвольными изувеченные работой крупные и темные руки в изжелта-зеленых набухших венах...

